

СМЕХАЧ

В Германии. — Как жить дальше? Я теряю последнюю надежду...
— Нет! надежда еще не потеряна!

Рис. А. Бродский

ДОРОГИЕ СЭРЫ!

Правительство его величества за последнее время получило отовсюду тысячи писем Зиновьева, из которых, к сожалению, ни одно не отвечает элементарным требованиям хорошей работы — как по содержанию, так, равно, и по форме — и в этом отношении ничем выгодно не отличается от первого письма, послужившего основанием для правительственной ноты 21-го ноября 1924 г.

Такая неопытность или небрежность авторов вынудила правительство его величества отклонить предложение Советской России о третейском суде, следуя старой английской поговорке:

„Не иди на дело с плохой отмычкой“.

Правительство его величества полагает, что первая неудача не должна парализовать энергии, ибо недаром говорится в другой популярной английской поговорке:

„Семь раз нацелься и потом воруй“.

Поэтому правительство его величества настоящим объявляет —

КОНКУРС НА ЛУЧШЕЕ ПИСЬМО ЗИНОВЬЕВА.

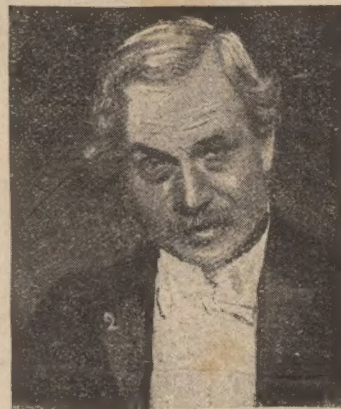

Первая премия — портрет его величества с собственноручной надписью.

Авторам 3-х лучших писем будут
выданы премии:

Вторая премия — тридцать сребреников
и место в парламенте.

Третья премия — портрет Мак-
дональда, размером $2 \times 2\frac{1}{2}$,
в желтую краску.

Кроме того, премированные авторы получают ПОЧЕТНЫЕ ОТЗЫВЫ, дающие право внеочередного поступления агентами в охрану его величества.

Письма с надписью „На конкурс“ направлять по адресу:

Лондон, Скотланд-Ярд, Скот-жюри.

Примите и пр.

Чемберлен.

1 января 1925 г.

Принял И. Пр.

ВО ИМЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Папа, Юз, Чемберлен, Эррио,
Муссолини и Штресеман идут
единым фронтом против СССР.
(Из газет).

Ай, дудунюшки-дуду,
Заиграл пастух в трубу,
Заиграл пастух в рожок, —
Вышло стадо на лужок.
Впереди маститый Юз,
Парень дока и не трус —
Супротив рабочих блуз
На советский на союз.
Туру-руру-тара-ра:
Дуйте, братцы, на ура.
А за Юзом Чемберлен
С длинным носом до колен,
Огорошенный весьма

„Разъяснением“ письма.
А за ним в затылок... о!
„Друг России“ Эррио
И с конфузливym смешком
Штресеманчик петушком.
Туру-руру во рожок!
Вышел папа на лужок
С Муссолини и Христом,
С пулеметом и крестом.
Шепчут пастве неспроста
Непорочные уста:
Шевели, ребята, пузом!
Марш за Юзом на Союз.
Расшвыряем, как по лузам
Черепя проклятых блуз.
Поднажмите-ка немного —
Сгинут враз большевики.
На штыки, во имя бога,

Намотаем их кишки.
Во имя Христосика
Отрежьте полносика,
Во имя спасителя
Крови не хотите ли?
А во имя приснодевы,
Под веселые напевы,
Наведем культурный лоск,
Окуная руки в мозг.
Ах, давно, давно не гакали
Пулеметики.
Ах, давно свинцом не шмякали
Во животики.
Крест дрожит в кровавой лапе.
Помоги, Иисусе, папе.
Азиатов растрепли.

Пли!

Р. Волженин

ЛИГА НАЦИЙ

(Сказка действительной жизни).

В зал, где заседала Лига Наций, ворвался слабый придушенный крик:

— Спасите! Убивают!

Как проник этот крик в зал,—трудно сказать. Окна были занавешены. Ставни были крепко-на-крепко закрыты, даже заколочены. Слугам строго-на-строго было приказано не подпускать к дому слабых народов на расстояние пушечного выстрела. А пушки теперь, как известно, стреляют далеко. Говорят, на две тысячи верст.

А крик все-таки ворвался. Видно, уж очень больно было кричащему. Очевидно—сильно душили.

— Как будто просят о помощи! — нерешительно сказал председатель: — откуда-бы это?

Стали прислушиваться.

— Как будто из Германии...

— Ах, из Германии!... Вот надоели: вечно кричат.

Кто-то из заседающих, старичок с хитрыми глазами, делает сострадательное лицо и благочестиво говорит:

— Все-таки жалко... Ведь—нация. Всякий кричит, когда его режут.

Председатель сердито прерывает его:

— Немцу не больно. Когда француз режет, не больно. У француза рука легкая. Пырнет кинжалом, потом шашкой рубанет, потом прикладом хватит. Ничего, не больно. Француз не причиняет боли, когда убивает.

Секретарь, все время прислушивавшийся, с какой стороны крик о помощи, заявляет:

— Это не из Германии... Как будто, дальше.

— Не из Польши ли или Румынии? Не СССР ли их обижает? Ах, они...

Все вскакивают. У всех на лицах негодование. Председатель раскраснелся и кричит:

— Сейчас протест! Ни одной минуты нельзя медлить. Пусть Англия—флот! Пусть Франция—артиллерию! Пусть Япония...

Он от волнения не может продолжать и падает в изнеможении на стул.

Секретарь снова заявляет:

— Нет, это не из Румынии. Как будто еще дальше.

— Еще дальше?... Откуда бы это? Может быть, из Китая? Ну, это—дело Японии. Китайцы ужасный народ. Чуть что, поднимают шум на весь мир. Надо бы этому положить конец.

— Какой же конец?

— Написать строгий выговор Японии. Пишите: „От Лиги Наций Японии. Объявляем вам строжайший выговор за то, что до сих пор вы не сумели покончить с Китаем. Неужели до сих пор вы не смогли окончательно задуть его, чтобы он не беспокоил нас своим криком? Лига Наций предлагает вам в месячный срок прикончить Китай...“

— Радио принесли! — докладывает вошедший курьер.

Все бросаются к курьеру. Секретарь почти вырывает радио телеграмму из рук курьера и читает:

— От Англии. Лиге Наций. Англия очень недовольна Лигой Наций. Решив скушать Египет, мы принялись превращать в битое мясо все его население. Последнее-же сопротивляется. Англия удивляется, что Лига Наций до сих пор не приняла мер к тому, чтобы облегчить задачу Англии в ее стремлении искрошить племена, населяющие Египет...

— Так вот оно откуда крик о помощи!

— Из Египта!

— То-то так здорово орут. Англия шутить не любит.

— И нам выговор.

Крик о помощи усиливается. Никакие закупоренные окна не помогают. Крики проникают через малейшие щели, прорезывают воздух, режут сердце.

Негодование овладевает почтенным собранием.

— Как они смеют так кричать?! — негодует председатель: — Сию же минуту протест! Секретарь, пишите!

Секретарь пишет:

— „Лига Наций протестует против гнусных египетских дикарей, позволяющих себе бестактно кричать и звать на помощь, не понимая высокой чести — умереть под ножом культурнейшего народа, каким является Англия“.

Лига Наций знает свое дело...

Оль

НЕУСТОЙЧИВОСТЬ

— Скажите, почему Япония медлит с признанием?

— Очень просто: после землетрясения Япония теперь колеблется.

ВЫХОД

— Читал? на юге двадцатиградусные морозы, а у нас оттепель... Ведь, это — ненормально!

— Важное дело, подумаешь!... Переименовать юг в север, север в юг — опять все нормально и будет.

ФАКТ — В ЛОБ

В Минске коллектив безработных открыл пивную. „Звезда“

Прочел. Вдохнул. И вытер пот.
Рябит в глазах от узкой строчки,
Гримаса была? Хозрасчет,
Не зря основанный на бочке??
Мы к быту стали здесь лицом,
Другой пример едва-ли сыщем,
Чтоб пролетарий, став купцом,
Своих же спаивал винищем.
Боюсь, что в Минске обалдел
Наш профсоюзный Губотдел..

СЕЛЯНКА ПО-ВАРШАВСКИ

Варшава 29. Белорусская газета „Селянская Правда“ конфискована полицейскими властями за коммунистическое направление. Редактор арестован.

Рис. Л. Г.

Жандарм: Вот, пане, какое у нас с вами классовое единство: люди самых разных направлений — мы идем по одному направлению.

ЯЗЫК МОЙ—ВРАГ МОЙ

„В клубе Медикосантруд в Симферополе руководители говорят таким непонятным языком, что все рабкоры разбегаются“.

„Кр. Крым“.

Язык мы губим зло и слепо,
Годами копим в речи сор.
От иностранщины нелепой
Бежит испуганный рабкор.
„Язык мой—враг мой“—это драма,
Но, в свете прессы наших дней,
Пришла пора сказать нам прямо:
Язык—враг масс—куда страшней!

А. Ф.

КАК ОНА ИЗУЧАЛА КОВАЛЕНКУ

Звонит телефон. Она (вбегает).
Ах, ах, ах. Это профессор, значит, уже
пять часов. Скорей, скорей, Поля, зави-
ваться! Алло. Милый, голубчик, дорогой
профессор, это я, я, я. Какой вы дуся,
что согласились давать мне уроки полит-
граммы по телефону. Надо же быть со-
временной женщиной, а времени ни ми-
нуты, положительно, ни минуты свободной.
Мы, актрисы, рабы капитала. Ах, боже мой,
я хотела... т.-е. нет, не боже мой, потому
что бога нет. Профессор, а что надо го-
ворить, когда хочется сказать: боже мой?
Что? Ничего? То-есть, как это „ничего не

говорить“? А если я нервная? Да, так
о чем я? Ах, да, скажите, кто такой этот
Маркс? Вчера меня спросили, а я говорю:
иностранный капиталист. Потому что я
знаю, что у него капитал. Все как фырк-
нут. Тут еще председатель треста какого-
то был, такой сознательный, а я... Кто же
он? А-а... Ай, ай, ай! Вот так дура. Что?
Нет, я читала вчера по Коваленке, я це-
лый час читала, спрашивайте. Прибавочная
стоимость? Мне да не знать! Я плачу
1 р. 20 к. за фунт масла, которое в мир-
ное время стоило 60 к. Целых 60 к. при-
бавочной стоимости. Что? Не то? А-а,
Вот что... Ах, боже мой, Поля, т.-е. не
боже мой,—вы мне ухо сожгли. Что? Нет,
это я Поле, она мне ухо сожгла. Ну, еще,
еще спросите, не сердитесь, голубчик. Ну
вот, спасибо. Государство? что такое го-
сударство? Это... Ай, Поля, трико лопнуло,
скорее зашейте. Нет, ничего, это я Поле,
у меня колено лопнуло. Колено, я говорю
лопнуло, трико. Государство это террито-
рия... которая жмет на личность. Что? Не
на личность? А на что? И не жмет! А что
же она делает эта территория? Ах, вот
что? Читала, голубчик, ей богу читала,
т. е. не ей богу. Нет, профессор, вы дол-
жны мне посоветовать что-нибудь, вместо
бога... Я знаю, бога нет и я происхожу от
обезьяны, но не могу же я говорить „ей
мартышка“! Да, вот что! А вы читали,
профессор, „Конь вороной“ Бориса Са-
винкова? Правда, чудно? Эта Ольга и
Луша, как это хорошо. Ольгу, по-моему,

он любил по-настоящему. И вообще, Са-
винков дуся. Вы не знаете, он не похож
лицом на Керенского? Ах, профессор, по-
браните меня, знаете, я вчера все деньги,
все до последней копейки—50 р. истратила
на что—на шляпку. Да. Очень. Цвет?
Помесь испанского петуха и апельсинной
корки. К политграмоте? Вернемся, вер-
немся. Я, правда, болтушка. Что? Ма-три-
ар-хат. Профессор! Это что-то непечат-
ное! Что? Алло! Не разъединяйте нас,
барышня. Алло! 6-05... Это Б, а не А.
6-05... и это А? А где же тогда Б, если
обе А? Что? Барышня! Опять не рабо-
тает. Поля, звоните откуда нибудь в Бюро
ремонта, опять не работает. Вот и будь
после этого современной, старайся! Наука
и техника называется!

Лидия Лесная

В ПЕРВОЙ СТУПЕНИ

Учитель: И просидел Илья-Муромец
сиднем тридцать лет и три года...

Нэпаченок: И неужели же ни одной
амнистии не было?!

СВОЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

— За что тебя вышибли из союза
работников искусств?

— Чудаки!.. они думают, что спекуля-
ция—не искусство.

ЖЕРТВЫ СТИХИИ

Очередное наводнение в Ленин-
граде быстро закончилось, не принеся
большого ущерба.

Рис. Б. Антоновского

— Вот досада! Прошлые наводнения прозевали, а нынче и смотреть не на что..

НОВАЯ ДЕРЕВНЯ

Привезли в деревню
трактор —

Грузный паровик.
— „Это, мол, конечно...
фактор“...

Пробасил предвик.
Поп в окно смотрел
сурово,

Бородищу мямл:
— „Ничего-то нет
святого...

Эка навонял!“..
Мужики вокруг стояли,
Разговор вели;
Каждый винт на ощупь
брали,

Ползали в пыли.
Бабку старую Авдотью
Пробрала слеза;
Подобрав свонлохмотья,
Вытерла глаза.

— „Што-ж!“ — прошам-
кала старуха:

— „Может все и так,
Да пойдет у нас про-
руха,

Суший кавардак.
Может, в нем и нет
худого, —

Может, он хорош,
Да лишимся домового
Просто ни за грош.
Без коней ему и в клетке
Не житье тогда...

Без „хозяина“ осетит
И коров беда!..
И пошла стуча клюкою
Не согнув колен,
А предвик махнул

рукою:
— „Экий... Чемберлен!“

Н. Е. Красов

ЕДИНОБОРСТВО

Рост заболеваний сифилисом в городе и деревне принял грозные размеры, а средства для борьбы малы, нехватает врачей.

(Из газет).

Рис. А. Радакова

914 бессильны против ОДНОГО, при таком ужасном росте.

Д. Высоцкому

Шум и гам в общежитье Рабфака,
Пыл дискуссии, жаркие речи...
Дело в том, что Напильников Яков
В буржуазном уклоне замечен.

Факты жгут, факты бьют, факты
ранят...
Видят все, что Напильников сбился:
В среду шел он с мочалкою в баню,
А вчера в парикмахерской брился.

Носит галстук на рыжей толстовке,
На штанах завернул отвороты,
И какой-то знакомой Свердловке
Две ириски купил без заботы.

Если он не Морган, то откуда
Приобрел он подметочной кожи;
Ведь его весь расход — худо-худо —
В два целковых навряд ли уложишь?

План такой общежитье Рабфака
Разработало мудро и срочно:
Пусть укажет Напильников Яков,
Где к сим тратам нашел он источник.

Был ответ подсудимого дивен,
И сомнения все канули в воду:
— Букинисту за рупь девять гривен
Я Бухарина с Энгельсом продал...

Хоть мораль здесь немного опасна,—
В содержании смысл, а не в форме:
Доказал всем Напильников ясно,
Что... наука рабфаковца кормит.

Конст. Шелонский

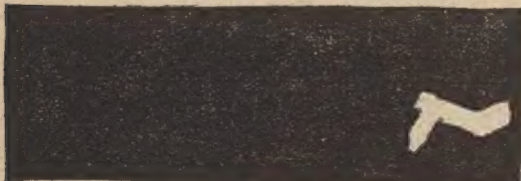
НЕПРИКРАШЕННАЯ ПРАВДА

С товаро-пассажирскими поез-
дами дело неладно: №№ 22, 32, 31,
21 ходят без всякого освещения.
Вагоны переполнены публикой.
Пассажиры ругаются. Вещи пропа-
дают. („Правда Востока“).

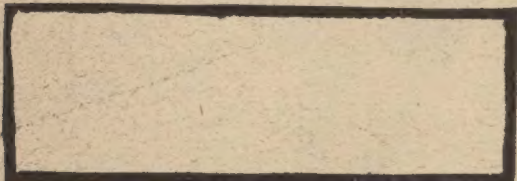
Зарисовка Ив. Пруткова

И было так. Отошел поезд.

И отошла в поезде охрана.

И не осталось пассажирских вещей: сперли!

И осталась только длинная, бес просветная,
безнадежная ночь.
Такова правда Востока.

Это был удивительно избалованный Ваня: пить любил по утрам чай-кофеин, заедать французской булкой со сливочным маслом да с сырком швейцарским — такой бутербродник, право!

Чай-сахары, обед из четырех блюд, паужин да ужин...

Любил Ванюша утробу свою потешить, надо правду сказать без обиняков и затей.

Да и приодеться непрочь покрасивше: костюмчик на нем с иголки из английского добротного трика, шляпка земли греческой шелковой лентой обтянута, штиблеты американские, шевро — первый сорт, не галстучек, а радуга не запонки, а звездочки небесные...

Весь, словно, из модного журнала только что выпорхнул.

И все Ванюше не в то, и все ему не в это: подавай, ему и коньячок три звездочки, и шансонетку позабористей, и книжку стихов, чтобы в ушах ручейками журчало, и оперетку помодней, теще его, непутевого, чорта в ступе ему подай, все ему мало...

Нехватает.

Ничто Ванюшу не радовало: соловей глаза с каждым днем, кривит рот от скуки и брезгливо морщится...

Зевает.

— Приелось... Скучота!.. Не жизнь, а житьишко... В пору повеситься... Но фи! — неэстетично с высунутым языком в землю ложиться.

Помереть не помирал, а время проводил брюзжа.

И вдруг трах тарарах... крак!..

Ничевым-ничего: картошка, хлеб овсяный с иглой, цикорий, суп из воблы и для подслащения суррогатного кофейку — сахаринец.

А все прочее еще незавиднее: обуза-одежа все чортова кожа, да веревочная туфля; для услаждения-ж нюху — крепкий махорочный дух.

Так все это Ванюша по лбу ударило, что даже о скуке позабыл, и тоскливых романсов распевать не приходится — кругом заботы: на советской службе полдня проторчи-пролодырничай, за четверкой соли и полуфунтом хлеба в череду других полдня продежурь, да дома вечером, за постирушкой рубахи, „товарищей“ поругай — глянь, дня как и не бывало.

Доберется Ванюша до логова и храпит во все носовые заворачивки.

Втянулся Ваня, приобык помаленьку, и ничего будто жить, вполне даже возможно, походка и та нахлябалась, молодецватее стала, и брюха не пучит.

А картошка, ежели горячая да с солью, с устанку-то — что твой трюфель заморский!..

Превосходнейший харч!..

И вдруг трах-тарарах... Нэп!..

Кругом все есть, что надо и чего не надо, только советский кредит, знай, гони и червонцев припасай.

И хоть денежных знаков у Ванюши частенько нехватает — начихать и наплевать!..

Ценить стал Ванюша всякую вещь: купит полфунта ландрину, глаза загораются, радуется... Не сахарину чета!

Укупит чаю китайского четвертку, улыбка с лица не сходит — предвкушает чаёк, шельмец!..

А уж пива бутылку высосет, в восторг приходит:

„Не житьишко, не жизнь, а райское житье“.

И не брюзжит, о контр-революциях и мечтать забыл, даже к товарищам-коммунистам приобык... Не хает:

„Ребята, мол, как ребята — налаживают“...

На-днях госнежинской рябиновки полбутылки высмаковал и говорит:

— Лучшего и не надо, благодать!..

Вчера еще убеждал меня:

— Ты сам посуди: бодлом мылиться, это тебе что?.. Это тебе не мыло на тресковом жиру.. Аромат!..

Довольнее Ванюши нет теперь ни в одном государстве...

Да чего уж там: сама мадам Кускова хотя и зовет Ванюшу предателем и злобится, а завидует, сидя на том берегу.

Саша Керенский и тот в затылке почесывает: „Эх, кабы мне бы да так-то пожить!“

Уж этот Ваня голодного бунта не устроит...

Уж этот Ванюша каждое улучшение ценит так, что диву даешься...

Уж этот Ванечка к царизму приверженности не имеет, а об учредилровке и думать позабыл...

Выварила Ваню пролетарская власть в горячей воде, омыла, вышаркала дочиста...

То небо с овчинку было, а тут сразу с целый тулупище из семи овчин...

Никаких иных небес Ванюше и ненадобно.

— Ну их к чорту!..

К. Милль-Полярный

УЧЕТ ТЕХНИЧЕСКИХ СИЛ

— Ваша профессия, гражданин?..

— Химик.

— Ваш образовательный ценз?

— Семь лет службы в милиции по розыску самогонки.

„ДОКАЗАЛ“

— Гражданин милиционер, я поймал его руку в моем кармане. Прошу его задержать.

— Гражданин милиционер, в чем дело? В кармане гражданина ничего, кроме моей руки, не было, а моя рука — моя собственность — так что же я, выходит, свою собственность хотел выкрасть?.. Прошу меня не задерживать!

ПРОПОВЕДЬ

Большинство „престольных“ праздников в деревне кончается дракой. Был случай, когда один крестьянин убил другого за то, что тот в 1919 году поссорился с ним из-за лошади.

(Из газет)

Обойдя всех соседей и поздравив их с престольным праздником, Силантий Пупышев, с невызываемой надобностью быстротой, сел посреди дороги и горько заплакал.

— С чего ты? спросил его Потап Лопух, равномерно покачиваясь на длинных ногах и опираясь широкой ладонью на голову всхлипывающего приятеля.

— Гос.. господи боже ты мой! — плакал Силантий. — Обидно мне, Потап... во как обидно. Я ему грю: дай табачку; бумажка, грю, есть. А он засмеялся, окаянный, и пошел...

— Не дал?

— Не дал. Не дал, язви его в пуп дьявол!.. Обидно мне это, аль нет?!

— Это што ж, — спросил Потап, раскачиваясь, как верхушка мачты в бурю, — седни было, аль как?..

— Где, милай, седни!.. От обедни шли, значит. И урядник Максим Михалыч засмеялся тоже... царство ему небесное, вечный покой ироду... чтоб ему черти все печенки вымотали, душегубу!..

Силантий неожиданно изменил положение и стал на все четыре конечности. Потап схватился за воздух и сел.

— Чего ты... чорт!..

— Вставаю! — сказал Потап... Я ему, Матвею-то, и грю: дай, грю, бумажки, табачку есть... Расшибу!..

— Сто-о-ой!.. — заревел Потап и схватил Силантия за штаны сзади. Тот рванулся.

— Не-е... Не пушу!.. — Не пушу! — орал Потап. Православный ты али кто? Што-ж тебе, ироду, праздник-то кусок дерьма али што? Господи!.. Михалархангела матушка-сретенья!.. Бог-то, он не тово... Не велит. Батюшка-то поп в обедню што говорил? Аще же, грит, дадут тебе в морду, подставь другую... Разве мы по-божешки?

Престол, праздник, святые иконы, а мы што? Нажрались, наелись, как свиньи некрещенные, и в драку... Ангелы плачут.

Потап всхлипнул и отпустил Силантия. Тот сел и тоже заплакал.

— Ангелы плачут, — продолжал Потап. Плачут, а черти регочут:

— Гы-гы... Убить человека хочешь? За табак?!.. Все мы грешны!

Он встал и пророчески вытянул руку.

— Табаку тебе не дали?! А сам ты какой?..

— Грешен!.. сокрушенно икнул Силантий.

— Во!.. Знамо, грешен. Аль забыл, как бедную животную корил?

— Какую животную?

— А мерина мово, что перед Японской войной сдох. Свои табакки помнишь, а мово мерина забыл? Хвост, говоришь, на бок?!.. Сволочь ты! он — неожиданно размахнулся и дал Силантию в зубы.

— Я тебе покажу хвост, сукин сын!

И стал бить Силантия кованными каблуками. Силантий взвыл. Бежали мужики с кольями.

Р. Волженин

МЕТЕОРОЛОГИЯ

— Ну, Чибисов, скоро, брат, весна.

— Что ты?

— А как же: у нас валенки в спецодежде выдавать стали.

ВЗГЛЯД СПЕЦА

Рис. Б. Антоновского

— Это чево такое?

— Аппарат.

— Мразы! Мараться не стоит... Должно, за сутки не больше бутылки гонит!

ПО НОВОЙ СИСТЕМЕ

Для торговых служащих открываются краткосрочные курсы по метрической системе.

(Из газет).

Рис. Г. Ефрос

Лектор: — Ну что-же вы стоите, словно метр проглотили?!

ЧИСТАЯ РАБОТА

Англия отказалась очистить Кельнскую зону.
(Из газет)

Рис. А. Бродаты

Разве мы не очистили до-гла всю Германию?! А немцы толкуют о какой-то Кельнской зоне! Придет время — и ее очистим!

О РАЗНЫХ ПОДХОДАХ

Смычка города с деревней выдвигает серьезный и трудный вопрос о том, как подходить к деревне. Деревня темна, малограмотна, хитра и недоверчива, и подход к ней требует самого вдумчивого отношения, большой осторожности, такта и осмотрительности.

„Смехач“ пытается дать читателю понятие о том, кто и как подходит к деревне.

Рис. Ив. Малютина.

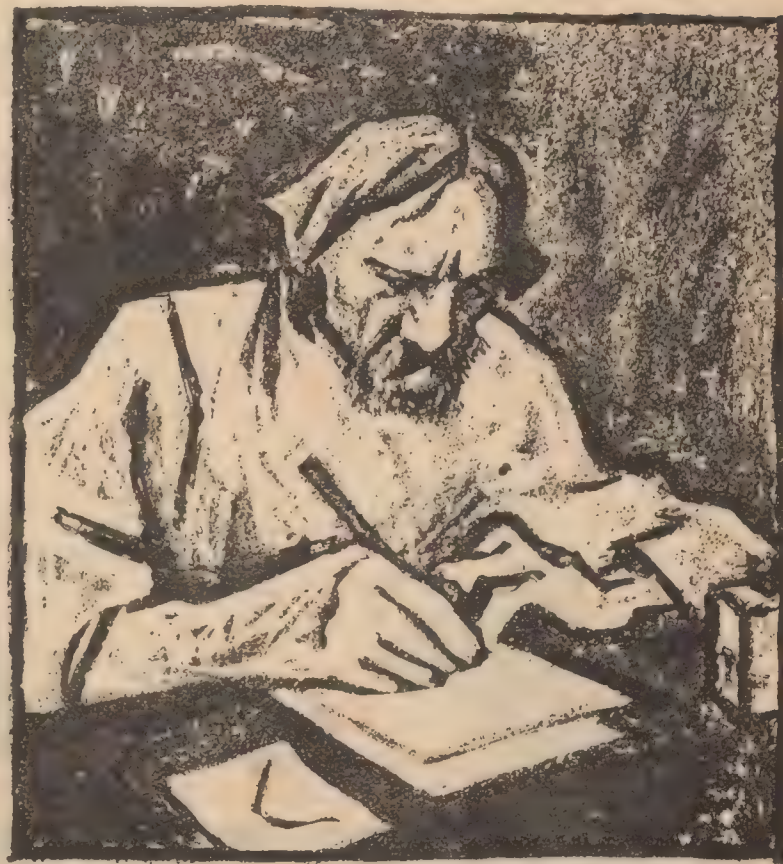
Конокрад подходит осторожно, под кровом темноты, и такой подход не всегда кончается благополучным уходом.

Кулак не столько подходит, сколько, стоя на месте, за прилавком—*подъезжает* к мужику. К сожалению, почти всегда—удачно.

Подход шефа, зачастую, сводится к тому, что он объезжает деревню на кривой. Нехороший это подход!

И, наконец, казалось бы, больше всего подошел к деревне селькор, но, увы! по мнению владельцев обреза, селькор совершенно *„не подходит“* к деревне...

НОВЫЙ БЫТ

Под окном запотелым шарманка
Не гнусавит забытый напев...
И соседка моя, с полустанка,
Не глядит на нее, обалдев.

Нет, на дворике нашем коротком,
Разбивая осенний туман, —
Нынче утром призывно и чотко
Пионерский стучал барабан...

Так на смену изжованной были,
Возле тех-же поленниц тоски —
Из помоек и мусорной пыли
Пробиваются нови ростки.

А вчера, в глубине коридоров,
Как обычно уныл и понур —
Мой сосед, пиротехник Егоров,
Целый вечер натягивал шнур.

Я стоял у забитой уборной,
Чертыхался, что рушится дом,
А Егоров возился упорно
И пыхтел, как обычно, с трудом.

— Эй, Егоров, упрямая туша,
Ты чего там повис на трубе?..
— Не болтайся под лестницей, слушай,
Видишь, радио ставлю к себе!

* * *

Да, бывает не верим — смеемся:
— Те же серые, вялые дни... —
А оглянешься, — право, несемся
Через наши ухабы и пни.

Это радио — случай и только,
Барабаны стучали всегда...
Но такого „случайного“ столько
В эти „вялые“ наши года!..

Не хочу быть поэтом придворным,
Агитировать — дело других,
Но сомнением мелким и вздорным
Не смущу агитацию их.

Мы идем! И над каждой кочкой,
И над каждым помойным углом —
Новым бытом, как красною точкой,
Намечается наш перелом.

Ал. Григорович

МАЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ

VIII

БЕДНОЕ СЕРДЦЕ.

Она сидела в глубоком мягком кресле — благоуханная, как заграничные духи (лот — 6 рублей). В ее руке грустно блел скомканный кружевной платок, верный спутник в Стране Воспоминаний.

Она не виделась со своим собеседником, старым знакомым, пять долгих лет — было, чем поделиться! И она рассказывала голосом, прерывавшимся от сдерживаемых слез.

— Ах, дорогой Петр Степаныч, единственно, что утешает меня в этой ужасной потере, это — сознание, что я предупредила мужа. Я умоляла его: „Алеша! во имя нашей любви, молю тебя: не едь в Сибирь. Останемся в Москве и переждем, пока окончатся все ужасы...“ „Он не послушал, и мы поехали... В Омске он был мобилизован белыми, и через месяц я уже плакала над его бездыханным... трупом... Какой кошмар! Я не знаю, откуда хватило у меня сил пережить!..

— Бедняжка!.. — ласково посочувствовал собеседник: — что же было дальше, после смерти Алексея Львовича? Если вам не очень тяжело вспоминать...

— От нервного потрясения я слегла и не вставала месяц... Если бы вы видели меня в ту пору: худая, бледная, как смерть... Я даже начала кашлять и легко могла кончить чахоткой... „Мы не должны в этой проклятой Сибири оставаться больше ни минуты!“ — говорил мне Коля: — „Я имею возможность получить перевод в 17-й Советский на Южном фронте. Едем туда! На юге, под солнцем, ты быстро окрепнешь...“ Ах, Коля, Коля! Почему он не поверил предчувствию, сжавшему мне сердце? Я умоляла его: „Коля! во имя нашей любви, молю тебя: останься в Сибири... Здесь могила Алеша, моего первого дорогого мужа, здесь мы встретились с тобой... Я чувствую, что юг не принесет нам счастья...“ Но Коля оставался непоколебим... Мы поехали на юг... Ах, юг! тепло, солнце... Я совсем возродилась... Но предчувствие меня не обмануло: бедный Коля погиб под Бахмутом, расстрелянный белобандитами... Что я пережила, при виде изуродованного тела!.. Я была близка к самоубийству... Как пьяная, шла я к реке, охваченная одной мыслью, одним желанием — броситься в воду вниз головой... По крайней мере, сразу конец! И я бы исполнила свое намерение, если-б не одно обстоятельство: представьте, там не оказалось реки.

— К счастью!

— Вы думаете?

Она грустно вздохнула.

АМСТЕР — ДАМСКАЯ ИГРУШКА

Постепенно Амстердамский Интернационал
теряет авторитет в рабочих массах Запада.

Рис. Л. Бродаты

Что ни удар, то — мимо...

А этот — в цель неутомимо!

Ребус № 1

За наиболее остроумные ответы назначаются три премии:

1-я — высылка журнала в течение полугода. 2-я — 3-х месяцев. 3-я — 1-го месяца. Остроумными ответами считаются те, при которых будет приложено: 3 р. 20 к., 1 р. 70 к. и 60 к. Ответы с прилагемым следует направлять: по адресу МОСКВА, Солянка 12, Дворец Труда, или ЛЕНИНГРАД, пр. Володарского, 53-а.

— Может быть, и к счастью... В сущности, только из-за отсутствия реки я осталась жива, но жизнь моя висела на волоске: и заболела сыпняком... Андрей тоже был болен сыпняком... Мы лежали в одном госпитале и выписались одновременно. Я не хотела больше оставаться на юге. Андрею, как бывшему белому, тоже было опасно. И мы двинулись на север, в Ярославль, где жили его родные... Боже, как кошмарно складывается жизнь!.. Я говорила Захару: „Захар! во имя нашей любви, молю тебя: брось темные спекуляции... К чему большие деньги, если дело может кончиться судом и позором?!“ Захар только отмахивался: не твоего бабьего ума дело!.. В итоге, я оказалась права: его судили и приговорили к расстрелу...

— Вы упоминаете имя „Захар“, а что же случилось с Андреем, с которым вы поехали в Ярославль?

— Ах, разве я не сказала? Его узнали тотчас по приезде в Ярославль... Какой ужас: обыск, арест... потом суд... Я долго носила передачу в тюрьму... потом... мне сказали, что Андрея нет и передачу вернули... Я была близка к самоубийству, но...

— Не оказалось реки?

— Ах, нет. Река была и такая река: Волга! Чудесная, широкая Волга! „Выдь на Волгу... Чей стон раздается?“ Помните? Но я встретила Захара... Ах, почему он не слушал моих советов?.. Сегодня ровно два месяца как он погиб...

Она застыла, грустно глядя перед собой, и рукой, лежащей на колене, нервно мня платок. И, вдруг, порывисто обратилась к собеседнику.

— Дорогой Петр Степаныч! Научите меня, наставьте — я совершенно растерялась... Борис во что бы то ни стало хочет, чтобы мы ехали на Урал, а Иван считает, что жить можно только в Москве... И.. и я не знаю, что выбрать безопаснее: Урал с Борисом, или Москву с Иваном?..

IX УТОПЛЕННИК.

Возле проруби, на реке, нашли осеннее потрепанное пальтишко, а в кармане пальто — записку самоубийцы.

В записке была стереотипная фраза:

„В смерти моей прошу никого не винить“ — и подпись: „Василий Ломакин“.

Так кончилась жизнь бедного Василия Парамоновича, тщетно пытавшегося получить службу и намозолившего всем глаза своею особой.

Ни для кого не было секретом, что последним толчком для рокового решения явился отказ сослуживца Бузыкина в рекомендации, которую от Ломакина требовали для приема его на службу в трест.

Когда весть о гибели Василия Парамоновича распространилась по городу, Бузыкин почувствовал острые угрызения совести.

— Господи! Кто же мог знать? Но виноват-ли я, что не дал ему рекомендации? Как же мог я рекомендовать, если он — пьяница и картежник?

Однако, эти разумные доводы не могли успокоить совесть: продолжавшую кричать во все горло, словно громкоговоритель, — Убийца!!

Бузыкин не находил себе места, и, наконец, схватился за перо.

На следующий день в газете появился некролог, посвященный бедному, безвременно погибшему, Ломакину.

Излишне говорить, что автор некролога, Бузыкин, не пожал красок, чтобы оттенить все положительные качества Ломакина и затушевать недостатки.

„Порядочность, честность, работоспособность — вот что унес с собою бедный товарищ в ледяную могилу“ — писал Бузыкин, в качестве загробной компенсации. „Спи с миром в сырой воде!“

А вечером в тот же день сияющий Ломакин ворвался в трест, перевернув вверх ногами представление о внешнем виде и поведении призраков.

Побелевший от страха секретарь молча глядел на выходца с того света и торопливо крестился.

— Возьмите свой крест обратно: вы же неверующий! — бодро посоветовал утопленник.

— Вы?! Вы живы?!

— Не только жив, а даже принес вам рекомендацию, выпущенную в десяти тысячах экземпляров. Извольте!

И Ломакин положил на стол перед помертвевшим секретарем номер местной газеты с отчеркнутым некрологом.

Ив. Прутков

КУСТАРНЫЙ СПОСОБ

— Почему вы поете? Ведь у вас ужасно неприятный скрипучий голос.

— Я, видите-ли, жильца выживаю.

Исгур.

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

ВИНА АРМЕНИИ

Нами получена копия документа:

С. С. Р. Армении.

Управление Российскими Отделениями Государственных подвалов

Вин Армении.

Московское Отделение.

Москва, улица 1-го Мая (б. Мясницкая).

№ 152

15 декабря 1924 г.

В Центральное бюро нормирования (цен). Ул. Коммуны, 4. Управление Государственных подвалов С. С. Р. Армении настоящим доводит до Вашего сведения, что из оптовое-розничного магазина Вин, ул. 1-го Мая, Юшков пер. д. 8, к предстоящим праздникам будет отпускаться вино и коньяк собственного розлива.

Всем служащим и рабочим Вашего учреждения будет сделана скидка на вино 30% и на коньяк 20%.

Зав. магазином (подпись)

Делопроизводитель (подпись).

Теперь „Смехач“ начинает понимать, почему турки прижи-мают армян.

В этом — *Вина Армении*: не соблазняйте честной народ!

ОТКРОВЕНИЕ БЕЗ ГРОЗЫ И БУРИ

В новогоднем номере Ленинградской „Красной Газеты“ в ряду пожеланий всевозможных видных общественных деятелей, имеется такое:

„УЛЕТЕТЬ ЗА ОБЛАКА“

НИКОЛАЙ МОРОЗОВ

Мы очень уважаем маститого поэта-шлессельбуржца, и, однако же, в чем тут дело? Зачем улететь? За какие облака?

Должны ли мы улететь *все* или только автор пожелания? И что он там думает делать?

Пожелание весьма неясно и нуждается в откровениях.

ПРИВЕТ ЖУРНАЛИСТКИ

По случаю седьмой годовщины издания, „Саратовские Изве-стия“ печатают следующий привет:

Вступая в восьмой год твоего существования, я, как жен-щина и слушательница курсов журналистики, имею одно желание, чтобы газета уделяла побольше внимания женщине-работнице и т. д.

Только женщина способна с такой твердостью и самопожертвованием — *вступить в восьмой год чужого существования*.

ВВЕРХ НОГАМИ

Если верить „Ленинградской Правде“, наше строительное искусство претерпело кардинальные изменения.

Вспомните в нижеследующий

Календарь первой постройки

К весне весь строительный материал, по плану Отком-хоза, должен быть уже доставлен к месту постройки на ул. Стачек, вблизи „Красного Путиловца“. Установлена твердая программа выполнения работ. 15 апреля начнутся земляные работы, которые будут закончены к 1 июля.

Однако, не дожидаясь окончания земляных работ (1 июля),

С 15 июня будет приступлено к кладке стен.

А кладка стен начнется, прежде чем будет готов фундамент. Ибо

Фундамент будет закончен к 1 августа.

Повидимому, фундамент окончательно потерял свою цену. С ним никто не хочет считаться.

Только к 1-му августа будет закончен фундамент, а еще —

В июле начнется отделка всего здания. К 20 августа уже будут сооружены крыши и закончена вчерне внутренняя отделка дома.

Все строительные работы будут закончены к 15 сентября. В сентябре 1925 года будет закончен первый в Ленинграде новый каменный дом для рабочих.

Ой-ли?! „Смехач“ опасается, что при такой небывалой последовательности работ, что-нибудь, обязательно, лопнет, треснет и провалится:

Или дом, или руководитель-инженер.

Что касается автора заметки, он уже готов: провалился.

ПЕРЛЫ ФОЛЬКЛОРА

С благоговением помещаем два подлинных документа, опубликованных „Правдой“:

„Я, нижеподписавшийся, гр-н гор. Ельца Петр Петрович Майорников, придя в квартиру гр-ки своей жены Анны Александровны Майорниковой в нетрезвом виде, при чем у нас по своим личным счетам случилось следующее: войдя в комнату своей жены и зная ее психопатанию явившись с освидетельствования лошадей 17 артдивизиона. Освидетельствование производилось под наблюдением зоотехника и ветотдела РВС, я попросил отдыха в собственной квартире жены, будучи интеллигентным человеком, на это мать моей жены Вера Петровна ответила диким скандалом, боясь, что я застрелю ее дочь, а мою жену Анну Александровну, воссела на печку и не позволила закрыть в нашей спальне двери. Я подписуемый ниже вышел в Вартек-Лозет. Жена моя была в дизе-билье. Придя из Вартек-Лозета застал кровать вполне закрытую — жена оделась, вышла к матери, отправилась в свою комнату, закрыв дверь, где послышался легкий шорох мебели. После второго открытия двери я свою жену в присутствии матери и других посторонних лиц, назвавшихся красноармейцами, констатировал факт начала задушения через повешения на крюке стены спальни. Петля собственными руками была снята с ее шеи. Бросив ее на кровать в полном сознании. Лица явившиеся на крик матерный, констатировали факт дикого происшествия. При начале задушения жена моя произнесла вполне нормальное слово „мама“. По частному разговору после того, как я обратился в родильный приют за содействием врача и председателя Орточека, как подведомственному району мирного времени выяснилось, что мать моей жены ненормально действовала, как на человека в некоторой степени не трезвом виде популяция 184, принимая температуру 39,9 согласно консилиума совработника при потерях андиозных налетов гортанной области и при потери натяжки голосовых связок принятому во внутрь за недостатком лекарств „Гоголь-Моголь“ яйца с сахаром и „Тинтуры-валерьяны“.

„В Куртамышенский Райвоенпромот (1).

Лесному Левизору

Ляпорт.

„Иду это я мимо могузихина угла и вижу лежит тут-ока мертвая тела лежит эта и не движет, аочего она не движет мне не известно а животом тоись ...пой уперлось в землю да так сильно ажно зубы стиснуло о чем и доношу о погребении меня прошу сообщить что и удостоверяю с подлинностью

фортальный Иван Стуков.

НОВЫЙ БЫТ

Во многих пригородных деревнях приступлено к установке телефонов.

Из (газет)

— Алло?! Тятка? С кем ты там болтал целый час? Не мог до тебя дозвониться, а тут корова не жрамши,

О П Ы Т Н Ы Й

Рис. Н. Р.

— Мы же выдаем спирт только для научных опытов...
— А... ты п-п-почем з-знаешь, что мне не для оп-пыта?!...

ПУТЕВЫЕ СВЯТЦЫ

(Между Москвой и Таньбовом)

I

ТЕПЛУШКА

Не на отдых и не в гости,
Не спускать прогулкой жир, —
Едут люди „черной кости“,
Едет „вобла пассажир“ —
Все свились, как змеи, кучей
На скамьях и на полу...
Пахнет шерстью и онучей
Сквозь махорочную мглу.
Говор, песня, споры, смычка,
Долгий чай и длинный сон...
И дана любому кличка
На особенный фасон:

Сашка, Дашка,
Эй, Палашка!
Машка, Глашка,
Ты, Гришук,
Сенька, Фенька,
Панька, Ганька,
Дунька, Груньк
И Мишук...
Мишка, Гришка,
Тишка, Тришка,
Санька, Танька,
Да Митрий,
Да Матрешка,
Да Митрошка,
Да Микитка,
Да Петрий...

II

МАКСИМКА

Пахнет воблой и картошкой,
Прелым чаем и жильем,
Чем-то кислым, козьею ножкой
И развешенным бельем.
Этажи на тучах дыма...
Эта — „все простой народ“.
Путешественник „Максима“
Без „отчества“ живет:
Пров, Данила, Тит, Гаврила,
Псой, Памфил, Лука, Вавил,
Два Ермила, Нил и Сила,
Два Петра и Михаил,
Дарья, Марья, Степанида,
Акулина, дядя Пров,
Ираида, Катерина,
Миколай и Влас Петров...

III

В МЯГКОМ

Шорох шелка и батиста,
Запах ванны и духов.
Всюду тонно, чинно, чисто
От штиблет до потрохов.
Тут ни Ванек, ни Акулек...
Тут особо... Замечай!
Будь хоть самый мелкий жулик,
А по „батьке“ величай:
Пров Степаныч, Карп Лукьяныч,
Тит Касьяныч, Фрол Ильич,
Елевсиппий Селиваныч,
Сила Митрич, Пуд Ильич,
Берта Львовна, Марьпетровна,
Сарра Псовна, да Мими,
Две Нинеты, три Лизеты,
И Матильда...

— Черррт возьми!

Е. Симбирский

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК „СМЕХАЧА“

В пространство. В. Зв—ву.

Что это такое:

Перед смертью в бреду он требовал, чтобы вместе с ним похоронили и какого-то дряхлого старика с провалившимся носом, с которым он будто бы подружился...

Почему-ж подружился с одним только носом?

Разве он был специалист по носоглотке?

Курск. С. М. Р—о. „Посылаю свое беглое стишье“...

У нас чудная дорога.

Инцеал ей дан таков.

Московско-Киевско-Воронежская ж. д.

Даем вам „инцеал таков“: ваши стихи поют, как курский соловей зимою.

Николаев. Леон. З—ну. Фельетон „Мастерские лжи“ написан мастерски, с блестящим знанием европейского стиля:

— „Алло! Это мосье редактор Кач?

Говорит Брехунье Дэ Вру. Что слышно?

Ничего?! Печально. Что же мы напишем за него, этого проклятого

С.С.С.Р.“?

... „Неизвестно почему перестал

больше писать за жизнь С.С.С.Р.

редактор Брехунье“.

Последуйте его примеру и не пишите „за иностранную политику“.

Джанкой. С. Рез—о. Ваша „Статья девятнадцатая“ (Маленький фельетон) напечатана на девяти страницах.

Послушайте, если это — маленький фельетон, тогда что же у вас, в Джанкое, называется большой неприятностью?!

Ст. Лопарская. Н. М—шеву. В восторге. Поражены. Умираем от смеха.

Вопрос по анатомии.

Почему вы избегаете брюхатых людей?

— Потому что от них разит потом, как от дохлых собак.

Все окна в редакции открыты настежь, чтобы выдохлось ваше остроумие.

Харьков. Юморидзе. Слабидзе.

Москва. П. В. Л—ну. Мелочь, присланная вами в „Смехах“, одновременно появилась в „Крокодиле“.

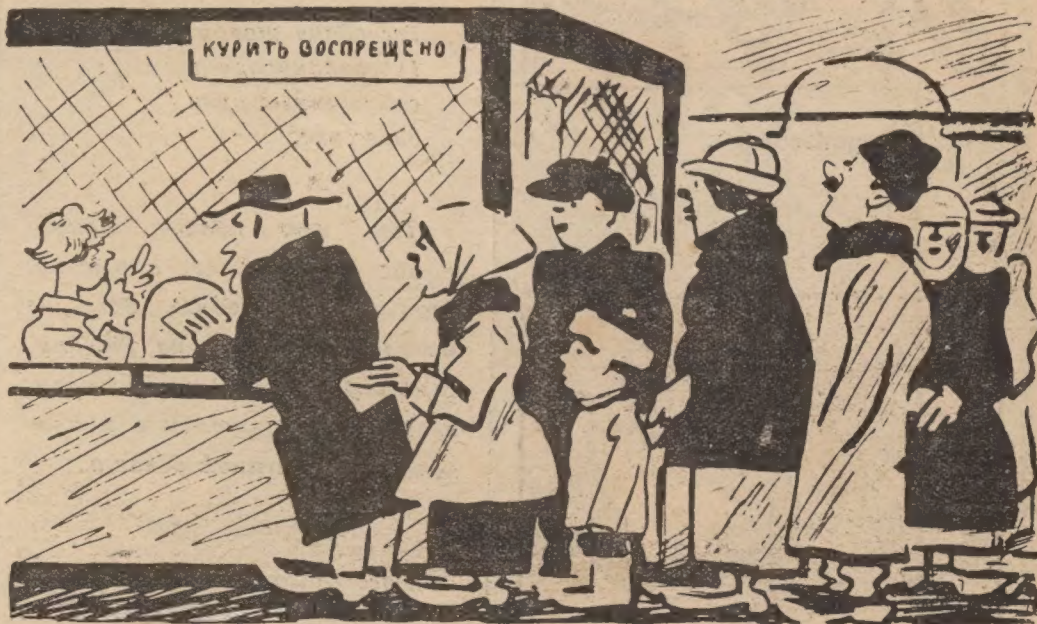
Прощайте.

НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА

Рис. Н. Радлова

У касс почтово-телеграфных вечные хвосты, вследствие медлительности служащих.

(Из горькой действительности).

— Который от куренья страдает,—первое ему место здесь: встал в очередь и стой... Глядишь, два часа и воздержись, без всякого гипноза!

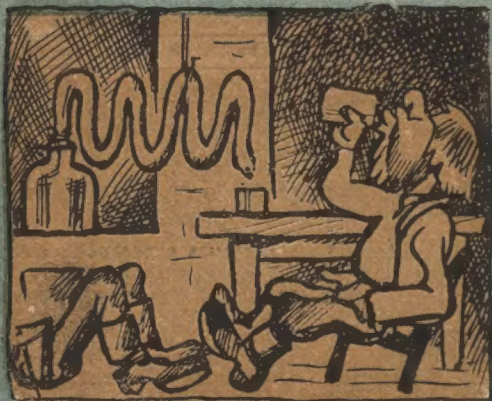
ПИСЬМО „ЗАПОРОЖЦЕВ“

Рис. Н. Радлова

(из села Большие Самогоны)

— А ну, пиши... Пиши, сук-кин сын секлетарь, все по порядку, с начала...

Драк не производим...

Ленинградский Губпрокурор запросил с мест материалы и цифровые данные о деревенских драках в дни „престольных праздников“ для выработки мер борьбы с ними.
(Из газет).

ЕГО БЛАГОРОДИЮ

Господину товарищу
Губерпрокурору в
собственные руки
донесение.

Так что ничего такого
у нас не замечено, а именно:
драк не производим, богу не
молимся, селькоров не убиваем,
самогону даже не нюхаем,
в чем и подписуемся с прило-
жением форменной печати.

Предсельсовета Голубков
Секлетарь Тюха.

Селькоров не убиваем...

Богу не молимся...

Самогону не нюхаем...